

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

МАКСИМ ШТОРМ
ДЕЙЛОР СМИТ

ЧАСОВОЙ КУРСАНТ

Я — наследник проклятого рода.

18+

Максим Штурм
Дейлор Смит
Часовой. Курсант
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»
Серия «Часовой», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74014197

*Часовой. Курсант: АСТ, Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-187730-9*

Аннотация

Этот мир пережил Катаклизм, уничтоживший прежнюю цивилизацию. Он восстал из пепла. В этом мире возродилась аристократия. В мир вернулась магия. Но возродившийся мир столкнулся с новой, страшной бедой – нашествием из иного плана бытия жутких, кошмарных тварей. И в этом мире оказался я. В теле курсанта Академии Ордена Часовых, элитных воинов, созданных для защиты рубежей Великорусской империи от нашествия монстров.

Вот только я оказался наследником всеми презираемого и проклятого Рода! Мне запрещено называться родовым именем. Мои наследные способности заблокированы, меня ненавидят и хотят убить не только иномирные существа. Но я думаю по-

другому... Я – Алексей Бестужев, потомственный дворянин и
Часовой! Пока курсант? О, это временно...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Шторм, Дейлор Смит Часовой. Курсант

© Максим Шторм, 2026

© Дейлор Смит, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Глава 1

Пробуждение было настоящим кошмаром. Открыв глаза, я сразу пожалел об этом. Кажется, в подобных случаях говорят – лучше бы я умер. Наверняка люди, придумавшие эту поговорку, знали, о чем говорили, и я был с ними полностью солидарен. Такого состояния я не испытывал никогда в жизни. Не в том смысле, что трещала разболевшаяся от фантастической боли голова, нет. Хотя и этот фактор присутствовал как непрменный атрибут сильнейшей похмелюги. Но причина обуявшего меня ужаса была в другом.

В мои бедные уши вонзился тревожный рев сирены. Эдаким ржавым, вкручивающимся в мозги шурупом. Знаете, как в военных фильмах. Когда на город заходят вражеские самолеты и включается ревун противовоздушной обороны. Так вот, звук, вырвавший меня из объятий удушливого мурторного сна, в котором мне ничего не снилось, был именно таким. И это уже не был сон. Это была всамделишная явь. Я в панике распахнул глаза и подскочил на кровати. Ничего не мог сообразить, а в ушах еще звучали отголоски умолкнувшего чудовищного гудка, казалось, заполонившего вокруг меня все пространство. Я беспомощно завертел ничего не соображающей головой. Что это? Пожар, война, конец света? Что за чертовщина?!

Не успели мои слезящиеся глаза толком все рассмотреть

в окружающем полумраке, как что-то твердое и тяжелое неожиданно врезалось мне в живот, и я, скорчившись улиткой, с перехваченным дыханием покатился по полу. Я не смог даже завопить от скрутившей внутренности дикой боли. И только тут до меня наконец дошло, что проснулся я вовсе не на своей кровати. И даже не в своей квартире. В ноздришибанул ядреный запах пота, гари, машинного масла, каких-то животных и чего-то еще, что я не смог опознать. Я замер, придерживая руками живот, и, перевернувшись лицом вниз, все же смог приподнять голову. Широко распахнув глаза, уставился в какие-то затертые, потемневшие от времени доски, обшитые железными полосами, и почувствовал странную качку, словно находился на борту дрейфующего по морю корабля. Тут же услышал утробный рык и ощутил всеми костями повторный удар, швырнувший меня на спину, а затем по ушам ударил злобный голос, что прогрохотал где-то надо мной:

– Какого хрена ты разлегся, Часовой?! Встать, падаль, ведьмин выкормыш! Встать, мразь!

Я по-прежнему ничего не понимал. Начал задыхаться от охватившего меня всепоглощающего ужаса. Следом сильно зажмурил глаза, не желая ничего видеть. Хриплый скрежещущий голос непонятного мне существа продолжал надрываться:

– Встать, ведьмино семя! Или ты думаешь, что твое происхождение что-то меняет, предательское отродье? Делает

тебя особенным? Да ты пока недостойн даже называться Часовым! Эту сраную привилегию ты еще не заслужил! Как и многие другие на этом корабле. Но ты, ты много хуже их всех, ублюдок!

От нового обрушившегося на мои ребра удара я чуть не взвыл. Да что же это происходит, вашу мать?! Следом, однако, нашел в себе силы подняться на ноги и, тараща глаза, вылупился на того, кто меня избивал. Боже, мелькнула обнадеживающая мысль. Я все же сплю. Я во сне.

На меня уставилась рожа, которую вряд ли встретишь в погожий денек на улице города. Напротив стоял огромный детина под два метра ростом, с плечами широкими, как крепостные ворота. Одет он был в футуристического вида тяжелую проклепанную кожаную броню, напоминающую чешую дракона. Испещренная шрамами выбритая бугристая голова, массивная нижняя челюсть, изъязвленное грубое лицо, а вместо левого глаза сияющий мертвенным светом зеленый камень. Часть черепа и скул скрепляли хирургические скобы, из мощной, перевитой жилами шеи торчали какие-то трубочки. Увенчанный зазубренным крюком механический протез заменял ему правую руку. Такое ощущение, что этого франкенштейна когда-то пропустили через гигантскую мясорубку. Он заметил мой ошалевший взгляд и поднес к носу крюк.

– Ты сегодня сам на себя не похож, Часовой... Словно видишь старину Фляйшера впервые в своей убогой жизни. Хо-

чешь еще раз полюбоваться на дело твоих сородичей, в чьих желудках осталась моя клешня? Предательский сучонок!

Следом же он врезал мне по лицу своей второй рукой, вследствие чего я рухнул на спину и больно ударился затылком. Перед глазами вновь все поплыло. На этом моменте я невольно задумался: а стоит ли опять подниматься? Затем увидел нависающий надо мной потолок, опутанный непонятными тросами и растяжками. Ощущение, что мы движемся, усилилось. Но не по воде, нет. Казалось, мы парим в воздухе.

Мир надо мной внезапно потемнел. Сфокусировав взгляд, я быстро понял, что обзор перекрыла искаженная от ненависти рожа моего обидчика.

– Хорош прохлаждаться и впадать в бессознанку, – процедил он, тяжело дыша. – Через полчаса мы будем над зоной выброски. И тогда для вас начнется самое интересное. Гребаный экзамен всей жизни. И я посмотрю, каким ты вернешься обратно на борт после встречи со своими «друзьями». Возможно, после того, что от тебя останется, ты начнешь считать меня красавчиком!

К его хохоту присоединилось ржание десятка луженых глоток. Я понял, что помимо нас тут еще кто-то есть. Такие же миляги, как и мой визави? Да не дай бог! Ошарашенный, полностью деморализованный и мало что понимающий, я лежал на спине и тяжело дышал. Если это сон, то почему я не просыпаюсь? Мне грозит самая настоящая беда! Почему никто не будит меня? Что вообще происходит?!

В эту минуту Фляйшер наклонился надо мной и играючи вздернул за грудки на ноги. Дыхнул в лицо чудесным запахом гнили и перегара и ласково сказал:

– Тащи свой зад в оружейку, надевай доспехи, курсант, и готовься спуститься в пекло. Там тебя давно ждут. И я очень, пусть у меня и добрейшее сердце, надеюсь, что ты там и сгниешь в пасти какой-нибудь адской твари. Но ты не думай, я выпью за помин твоей жалкой душонки кружку грога.

И снова взрыв дружного хохота. С удивлением я понял, что наши глаза, точнее, три глаза и зеленый имплант, находятся примерно на одном уровне. Да, я парень высокий, но не настолько же... И тут до меня дошло, что и внешне я совсем не похож на себя прежнего... И ощущаю себя как-то не так. Словно я стал реально выше и крупнее. Что это на мне? Какое-то просторное белье из серого грубого хлопка, добротные, хоть и изрядно потертые ботинки на ногах... Кисти моих рук стали намного толще, чем раньше, такими же крепкими выглядели и ноги. Я машинально провел рукой по голове. Ладонь наткнулась на короткий колючий ежик стриженных практически под ноль волос. Я испуганно начал щупать лицо. Оно было... Не мое. Как никогда прежде в жизни я захотел посмотретья в зеркало!

– Что, думаешь, не слишком ли ты смазливый для своих дружков хагеров, ведьмин выкормыш? – с хохотом съязвил детина и злобно прошипел, да с такой ненавистью, что я понял, если сей же час не подчинюсь, он меня уроет. Казалось,

из задрожавших на его шее трубочек сейчас повалит раскаленный пар. – У тебя осталось пять минут, чтобы присоединиться к своей группе и прекратить ломать комедию с потерей сознания, Часовой Тринадцатой стражи Альрик Безродный. Скоро под нами будет пригород Скобелева. И ты сам сможешь увидеть, во что его превратили твои любимые ведьмы!

Очередной удар уже в который раз сбил меня с ног. Я скорчился на подрагивающем полу в этом полутемном помещении, похожем на трюм старинного корабля или... Судя по всему, некоего воздушного судна. Дирижабля? Кто я здесь? Почему Безродный, и почему меня бьют и так ненавидят? Почему без конца называют ведьминым выкормышем? Где я и почему не просыпаюсь?! И кто такие эти чертовы Часовые?!

– Эй, там, как вас... Легачёв и Сойка. Да, вы, образины! Помогите подняться своему боевому товарищу и проведите его в оружейную комнату. Похоже, он от страха вообще перестал соображать. А еще из дворянского рода, недоносок чертов... Попомните мои слова, ребята: обратно на борт «Циклопа» он не поднимется.

Я уже почти ничего не соображал, когда меня подхватили с обеих сторон чьи-то сильные руки и, пыхтя от напряжения, споро потащили куда-то прочь. Мне уже было все равно, куда. Лишь бы подальше от этого жуткого человека с крюком вместо руки и зеленым камнем вместо глаза.

Ноги почему-то отказывались слушаться. Меня тащили, как скошенный сноп пшеницы, не спрашивая ни о чем. Лишь ругались вполголоса. В какой-то момент я кое-как умудрился поднять чугунную голову. Состояние охренительного похмелья выветривалось из организма с большим трудом. Я по-прежнему мало что соображал. Но, слава богу, глаза стали видеть лучше, а застилавшая их после пробуждения дымка почти развеялась. Меня упрямо волокли по каким-то коридорам и помещениям, напоминающим переборки в трюме подводной лодки. Вокруг была странная мешанина: дерево, железо, растяжки. С низких потолков тускло светили мерцающие желтоватым светом лампочки в решетчатых кожухах.

Лампочки! Значит, тут есть энергия и что-то, что ее вырабатывает. В конце концов, что-то же заставляет наше судно двигаться. И неважно, какая это энергия – пара, дизельного генератора или волшебных камней. Главное, что этот мир не совсем отсталый в технологическом плане. Непроизвольно я начал впитывать все, что могло мне помочь. Все крохи и крупички, способные дать мне хоть долю шанса на выживание. Отчего-то с тоскливой болью в сердце я вдруг осознал, что, судя по всему, застрял здесь надолго...

– Альрик, да что с тобой такое творится? – в отчаянии прохрипел тот, кто держал меня справа. – После того как

ты упал на смотровой палубе и ударился башкой, ты сам на себя не похож. Ты что, последний разум потерял? Именно сегодня, в день экзамена?

– Альрик? – Опять этот Альрик! Это я, что ли? В этом мире я даже не властен выбрать себе имя... – Алексей, меня зовут Алексей.

Переглянувшиеся между собой парни по бокам от меня на секунду почти синхронно остановились. Затем они с руганью как следует встряхнули меня и потащили дальше. Повернув за угол, мы оказались перед большой железной дверью, испещренной замысловатыми рунами. Левый сопровождающий, Сойка, испуганно пробормотал:

– Альрик, во имя Господа, следи за словами, пожалуйста. Тебе нельзя даже наедине с собой упоминать свое родовое имя! Ты бы еще фамилию назвал! Легачёв, он действительно чокнулся!

– Нельзя? Почему нельзя? – пробормотал я, опираясь на крепкие руки несущих меня парней. Я сделал достойную попытку выпрямиться, и у меня вроде получилось. Мы остановились, и парни наконец отпустили мои руки. Все втроем стояли перед дверью и тяжело дышали. Сойка, высокий статный парень с вытянутым худощавым лицом, пронзительными голубыми глазами и таким же коротким ежиком черных волос, как и на моей голове, схватил меня за ворот и очень внятно и внушительно произнес:

– Альрик, возможно, мастер-сержант был прав, когда ска-

зал, что ты не жилец и умом тронулся. Но мне всегда было плевать на его слова. И ты это знаешь. Герман подтвердит. Но Фляйшер никогда не ошибается. И если он сказал, что ты не вернешься после этой выброски на «Циклоп», то с большой вероятностью он прав. Но лично я в это верить не желаю. Здесь у тебя мало друзей. И мы не хотим, чтобы ты остался внизу. Так что соберись и постарайся стать самим собой. И разочаруй этого однорукого м... ка.

Второй парень, Герман, стукнул твердым, как камень, кулаком в мое плечо и прогудел:

– Мы с тобой, не ссы. Или ты думал, что, закатив этот спектакль, оттянешь неизбежное? Не дури, приятель. Мы шли к этому дню два года. И сегодня не все вернемся обратно. Но если погибнем мы, ничто не изменится. Если же ты содохнешь, то вместе с тобой окончательно сгинет и весь твой проклятый богами Род! Разве не ты нам говорил, что обязательно выживешь назло всем?

Я лихорадочно обернулся к Легачёву. Он был на полголовы ниже меня, очень плотный, мускулистый, что не скрывало даже просторное белье. Платиновый блондин с приятными чертами лица, но волевым подбородком и жесткой линией губ.

Сойка и Герман... Это мои друзья? Немного подумав, глядя в его красноватые глаза, одновременно задаваясь вопросом, а не альбинос ли он, я прошептал:

– Ребята, хотите верьте, хотите нет, но я действительно

после падения малость того... Я много чего не помню. И не надо так смотреть и думать, что я валяю дурака. С моей головой что-то не то. Если вы мне не поможете, то мне каюк.

Сойка уныло посмотрел на Германа, на дверь, затем вновь перевел недоумевающий взгляд на меня и разразился площадной бранью. Он с силой ударил кулаком по раскрытой ладони.

– Дьявол и все ведьмино племя, Альрик! Ты же еще вчера глушил с нами пиво и говорил, что мы все обязательно прорвемся! В кого ты превратился? Герман, ты хоть понимаешь, что мы не сможем там внизу вытирать ему жопу?

Легачёв вздохнул так, словно поднял гору, и буркнул:

– Хорош трепаться, пошли. Иначе Фляйшер выбросит нас за борт голыми. А ты, Альрик, лучше заткнись и никому этот бред больше не пересказывай. Что бы с тобой ни случилось, это произошло очень не вовремя.

Его тираду прервал второй тревожный гудок, заставивший меня от неожиданности втянуть голову в плечи и вздрогнуть так, что это не скрылось от моих новых товарищей. Они растерянно переглянулись. В их глазах мелькнуло недоумение. Похоже, я начал стремительно падать в их глазах. Совсем дело дрянь. Я суматошно пытался собраться с мыслями. Мне нужно было где-то спокойно посидеть и все это обмозговать. Но у меня не было ни времени, ни спокойствия.

Герман тем временем крутанул штурвал двери, и та с ме-

таллическим лязгом распахнулась. Не церемонясь, мои сопровождающие впихнули меня внутрь, вошли сами, а затем захлопнули дверь.

Я замер на пороге, разинув рот и изумленно уставившись на развернувшуюся предо мной картину. Это была большая и просторная комната. Хотя, наверно, было бы правильнее сказать кубрик, раз мы на борту судна. Также никаких окон или иллюминаторов. Стены обшиты проклепанным железом бронзового оттенка, такой же пол и немного скошенный потолок. Светильники тут горели ярче. С потолка свешивались причудливые лебедки, тросы и цепи, я мельком успел рассмотреть какие-то диковинные конструкции, подвешенные к некоторым тросам. Отовсюду раздавалось шипение пара, лязг, жужжание трущихся шестеренок и шум безостановочных работающих механизмов.

Оружейная. Здесь находилось около двух десятков молодых парней и девушек примерно моего возраста или чуть постарше. Всех объединяли ультракороткая стрижка, серые рубища и одинаково жесткое и сосредоточенное выражение на лицах. Словно все эти люди готовились к последнему, смертельному бою в своей жизни.

«А, собственно, что за экзамен предстоит нам всем сдавать? – запоздало подумал я. – Мы, получается, все какие-то студенты и оканчиваем курс обучения?»

На нас не обратили никакого внимания. Все были заняты приготовлениями к чему-то, что мне уже заочно очень силь-

но не нравилось. Сойка настойчиво толкнул меня в спину, а Герман тихо прошипел:

– Не стой столбом, идиот. Не хватало еще, чтобы все остальные заметили, что у тебя крыша потекла. Если забыл, я напомню: тебя здесь не очень любят.

«Это я уже уяснил», – в отчаянии подумал я, чуть ли не бегом влетев в оружейку. К слову, интересно, почему не любят-то? Вопросы, опять одни вопросы, и нет ни минуты, чтобы... попытаться проснуться?.. Я опять застыл на месте и изо всех сил зажмурил глаза.

– Эй, Альрик, ты что это, решил помолиться? Не замечала за тобой раньше влечения к Священному Писанию, – раздался рядом задорный женский голос, обладательница которого нарочитым весельем пыталась скрыть явную нервозность.

Оставив бесплодные попытки вернуться в свою постель, я торопливо распахнул глаза и увидел прошедшую мимо меня девушку. Среднего роста, миловидная, стройная, с черными короткими волосами, торчащими, как у грозного ежика. Взгляд невольно скользнул по ее округленной в нужных местах фигуре. Следом она насмешливо подмигнула мне правым глазом и вскинула два пальца вверх:

– Если выживем, я тебе отсосу. Как обещала вчера. Помнишь?

Я тупо кивнул. Помнишь? Я ничего не помнил! Кто-то рядом коротко хохотнул. Но, в общем, всем тут было не до смеха. Герман и Сойка уже разошлись по своим местам. Я

завертел головой, стараясь не выглядеть отсталым кретином.

Так, твою мать, без помощи мне тут точно не разобраться! Единственное, что я успел уяснить, это то, что все заняли строго определенные пяточки на палубе, прямо под... Я поднял голову. Верно, под свисающей с потолка громоздкой и устрашающей на вид конструкцией. Где-то вверху что-то зажужжало, шипение, лязгающие звуки усилились, и конструкции стали спускаться прямо на нас. Все происходило настолько быстро, что я не успевал больше ни о чем думать. Ёкарный бабай, а вдруг я что-то делаю не так, вдруг я не на своем месте?

Я учащенно задышал. На мое счастье, в оружейной сновало еще несколько человек. Они отличались от нас, стриженных курсантов. Судя по обрывкам знаний в моей голове, одеты они были в военно-морскую форму времен царской России.

Сосредоточенно обходя каждого, эти люди тщательно следили за опускающимися на наши головы механизмами. Один из моряков, проходя мимо, грубо толкнул меня в грудь.

Начинается!

Глава 2

– Шаг назад, придурок, – в усы буркнул он, – если не хочешь, чтобы тебе проломил тупую башку. Я слышал, ты сегодня и так ею здорово ударился. Хочешь пойти на корм своим адским дружкам, мясо?

Я в изнеможении застонал. Твою мать, и этот туда же. Какая-то обслуга и то норовит ткнуть меня носом в дерьмо! Я уже хотел как можно скорее выпрыгнуть наружу, и неважно, куда нас собирались десантировать. А в том, что именно это и должно произойти, я не сомневался. Моряк, однако, остался стоять рядом со мной.

Наконец огромный механизм завис над моей макушкой, с шипением раздался в стороны и опустился вниз. Я ошарашено завертел головой. Так вот что это такое! Огромные, угловатые доспехи, похожие на панцирь гигантского жука. Бронзовое с золотым железом, старые, в царапинах и вмятинах, покрытые какой-то клинописью, и видно, что побывавшие не в одной переделке. Но на вид вполне еще надежные. Огромные наплечники, защищающий горло воротник, наручи, поножи, сапоги. Настоящий средневековый экзоскелет.

Я прикинул вес этой махины и содрогнулся. Если меня в него закуют, я и шага сделать не смогу, не то что идти или куда-то прыгать. Словно заметив мой ужас, моряк подозрительно уставился на меня:

– Руки в стороны, курсант. Ты что, впервые видишь учебные доспехи?

Я послушно раскинул руки. Под свист и шипение хитроумных приводов конструкция словно ожила, и с металлическим лязгом детали монструозных доспехов стали одеваться на мое тело. Каждый сегмент и каждая деталь идеально подгонялись друг к другу, громогласно защелкиваясь и постепенно превращая меня в закованную в железо и бронзу башню. Если бы не металлические тросы, продолжающие удерживать мой чудо-костюм и меня вместе с ним, я бы уже грохнулся на палубу. Впрочем, как я мельком заметил, подобным же образом заковали и всех остальных. И никто не задавался вопросом, как он будет двигаться. Значит, и эта проблема будет решена.

Через пару минут я был полностью облачен в древнюю броню и напоминал космодесантника из смутно знакомой мне игры. Два десятка моих собратьев также были уже готовы. Что дальше? А дальше каждому из нас за спину заходил кто-то из оружейников и проводил какие-то хитрые манипуляции. Я не видел, что происходило у меня в тылу, но у стоящего передо мной Германа один из моряков открыл сзади защищенный бронированной плитой нарост на спине, похожий на горб, и вложил внутрь какой-то зеленый камень размером с кулак, повозился с какими-то проводами и захлопнул крышку.

В тот же миг с грозным шипением доспехи Германа слов-

но ожили, он самостоятельно выпрямился и поднял закованные в сталь руки. Тотчас отстегнулись удерживающие его тросы, и мой новоявленный друг вполне уверенно переступил с лязганьем с ноги на ногу. Повернув ко мне голову, он чуть кивнул. Я с благодарностью улыбнулся. И тут же почувствовал, как исчезает давящая на плечи тяжесть, и я смог так же пошевелить руками и ногами. Отстегнулись карабины и тросы, поддерживающие мои доспехи, и со свистом взметнулись к лебедке на потолке.

– Готово, – недружелюбно произнес выходящий из-за моей спины моряк. – Шлем наденешь после напутствия мастер-сержанта. Тогда же получишь и оружие.

Я ничего не ответил. Во все глаза таращился на своих, так сказать, братьев по оружию и с нарастающим ужасом думал, что все еще серьезней, чем мне казалось. По всему выходило, что нас собираются вышвырнуть куда-то в натуральное адское пекло. А наша выживаемость будет зависеть только от нас. Церемониться уж точно никто не собирался. Особенно со мной!

Мы стояли, ждали неизвестности, и страшились ее. Два десятка бронированных жуков, закованных в массивные бронзово-золотистые доспехи.

Внезапно мне показалось, что наше судно замедлило движение и стало снижаться. По моей спине ливнем катился пот. В трюме корабля и так было довольно душно. Если я промаринуюсь в этой скорлупе еще немного, то точно сва-

рюсь заживо. Хотя, как ни странно, внутри металлического кокона было относительно прохладно, а вспотел я от поглощающего все мое естество страха.

Распахнулась железная дверь, и в оружейную комнату с искаженной от негодования рожей ввалился приснопамятный мастер-сержант Фляйшер. Он угрюмо прошелся перед нами, бегло осматривая строй, словно видел каких-то заморских зверей в зоопарке. Затем наконец остановился и, теперь уже обведя мрачным взглядом единственного уцелевшего глаза каждого из нас, гаркнул:

– Курсанты! Два года обучения в Академии Ордена Часовых имени Его Сиятельства графа Перумова по подготовке Часовых окончена. Сегодня тот день, к которому вы так долго и упорно шли, – он мерзко осклабился и задержал хищный взор на мне. Мне стоило немалых усилий не опустить глаза. И словно продолжая обращаться исключительно ко мне, Фляйшер продолжил: – Сегодня выпускной экзамен. Цель и задача вам должны быть предельно ясны. Наш десантный корабль зависнет над восточным районом города. Место выброса – старая церковь Святого Петра. Ваша задача – продержаться внизу час. Всего лишь один сраный час. Те, кто сможет вернуться обратно на «Циклоп», будут считаться сдавшими экзамен. Вас, шелупень, никто не призывает героизировать или искать на свою жопу приключения там, внизу. Мне, собственно, насрать, что вы там будете делать. Хоть в грязь заройтесь и так пролежите всю дорогу. Ва-

ша единственная задача – спустя час живыми подняться обратно. И только тогда я лично походатайствую о присвоении вам самого почетного звания, какое только можно получить в Великорусской империи с благословления Его Императорского Величества Константина. У нас сегодня сдают экзамен курсанты Второй стражи, Седьмой и...

Опять многозначительный, полный лютой ненависти взгляд в мою сторону. Я чуть было не сделал шаг назад, с трудом сглотнув.

– И курсант Тринадцатой стражи, проклятый и недостойный носить такое звание, Альрик Безродный. Самый благородный человек среди нас всех. Для меня было честью терпеть твою харю все эти два года!

Громила издевательски поклонился мне. Обслуга оружейной комнаты угодливо засмеялась. Слава богу, никто из закованных в броню молодых людей не проронил ни звука. Только едва слышно прошептала стоящая справа от меня давешняя девушка:

– Он ничем не хуже нас всех, ты, чертов урод... И не должен нести грехи своих предков...

Я окаменел, а мое лицо залилось краской стыда. Лестно услышать хоть какое-нибудь слово в свою защиту. Но мое положение изгоя и парии среди остальных должно носить какое-то объяснение. Вот только будет ли мне суждено разобраться во всем? Я со всхрипом втянул теплый затхлый воздух корабельного трюма в легкие.

– Заряда энергетического кристалла хватит на один час. Больше вам и не нужно. Я сомневаюсь, что даже половина из вас сможет выстоять хотя бы тридцать минут.

Мастер-сержант повернул свою вырубленную из скалы физиономию ко мне и позволил себе скупую улыбку, добрую, как у крокодила:

– Принимаю ставки, что вот этот красавец уж точно останется внизу. Особенно после того, как упал сегодня в обморок, словно истомившаяся девица на выданье.

Теперь уже и мои сотоварищи стали посматривать на меня с любопытством. Я стоически игнорировал все взгляды. Сердце так бухало, что заглушало царивший вокруг гул механизмов, шипение пара и скрип переборок.

– Сержант Фляйшер, мы над зоной выброса, «Циклоп» встал на точку, – проквакала переговорная труба, торчащая из стены за спиной Фляйшера.

– Отлично! – Он взмахнул своим жутким крюком и зычно взревел: – Всем строиться в шеренгу, и бегом в десантный отсек. Живо, живо!

Мы сноровисто, умудрившись никого не зацепить, построились в небольшую колонну и, грохоча, двинулись к огромной двустворчатой железной двери в дальней стене оружейной. Разумеется, я шел последним и внимательно следил за всеми. Ковылял я с грацией подбитой черепахи. Не в пример мне остальные шли уверенно и деловито, словно не в первый раз надевали на себя эту броню.

Впрочем, так оно, по идее, и было. И я тоже, точнее, тот, кем я стал, проделывал этот трюк не один раз. Так, может, от-даться на откуп рефлексам своего тела, оно само подскажет, как быть? И конечно, расслабившись, я чуть не грохнулся. После чего, с трудом восстановив равновесие, вызвал оче-редной взрыв хохота и матерную тираду Фляйшера. И даль-ше двинул более осторожно.

Не знаю, какой энергией питал шестерни и приводы до-спехов вставленный в отсек за спиной кристалл, но посте-пенно доспехи стали ощущаться не то чтобы как вторая ко-жа, но стесняли не больше, чем толстая зимняя одежда.

Выйдя из оружейки, мы построились в два ряда по десять человек в абсолютно пустом и ярко освещенном трюме. С потолка опустились лебедки. Тросы, будто атакующие змеи, впились в специальные крепления на наплечниках брони, и я содрогнулся всем телом, ощутив, как с жужжанием лебед-ка подняла меня на несколько сантиметров. Тут же сверху опустился огромный шипастый шлем-глухарь и упал на мою голову, войдя в сочленение с бронированным воротником. Обзор сразу сократился. Смотровая щель была довольно уз-кой, и смотреть по сторонам стало очень затруднительно.

Я приготовился задохнуться в этом ведре, но тут же за-шипели какие-то дренажи, и в глотку стал поступать воздух. Оказывается, в доспехи и шлем была встроена примитивная система вентиляции. С лязганьем рядом опустилась цепь, и я уставился на исполинского размера меч, который мне яв-

но предлагалось взять в закованную в броню руку. Проклинав все на свете, я протянул лапу, и металлическая перчатка сомкнулась на вытертой железной рукояти меча. Похожий на рыцарский двуручник, но шире раза в три, он был почти черного цвета и весил, на первый взгляд, килограммов двадцать. Оставалось надеяться на мои чудо-доспехи и энергию зеленого камня.

В глазнице Фляйшера похожий камушек, мимоходом отметил я. Интересно, он тоже питает сержанта какой-то энергией?

От дальнейших раздумий меня отвлек отвратительный скрип железа, и пол под нашими ногами сдвинулся в сторону. Внутри трюма ворвался холодный ветер и тусклый дневной свет. Оказывается, снаружи день! Хотя это радовало. Я тяжело задышал, ощутив под ногами сотни метров пустоты. Рядом со мной кто-то громко зашептал молитву. Кто-то с истерическим смешком пытался рассказать пошлый анекдот, ему вторил такой же истерический смех, похожий на звуки, издаваемые сумасшедшим. Неподалеку от меня вполголоса ругался Герман.

Интересно, как я сам выгляжу в глазах других?

В десантный отсек следом за нами прошел Фляйшер. Равнодушно миновал страшный проем в палубе, даже не взглянув вниз, затем подошел к вмонтированному в стену рычагу и, напоследок обведя нас мрачным взглядом, сказал:

– Да поможет вам бог, Часовые.

На этих словах сержант дернул за рычаг. Не успел я подумать, каким образом нас будут спускать, как освободились от стопоров захваты лебедок, и, с душераздирающим визгом разматывая за собой трос, я устремился вниз. Перед моими испуганно распахнувшимися глазами мелькнули настил палубы, переборки и серое небо. Рядом со мной такими же железными истуканами сыпались мои товарищи. За каждым из нас тянулся стальной трос, казавшийся сейчас не толще жалкой ниточки. В ушах завыл ветер, врываясь в щели бронированного шлема, а сердце подскочило куда-то под самое горло.

Я несся к виднеющейся под ногами земле, как мне казалось, с ужасающей скоростью, словно закованная в железо комета. Сколько я весил в этой броне? Двести, триста килограммов? И только пристегнутый к закривку трос спасет меня от неминуемого удара о поверхность.

Мой полет продолжался, как я потом узнал, не больше минуты. Для меня же эти шестьдесят секунд растянулись в бесконечность. Не знаю, что случилось с моим мозгом и зрительным восприятием, но, падая, я каким-то невероятным образом успевал смотреть по сторонам, а также перед собой, с жужжанием поворачивая непослушную голову, облаченную в бронированный шишак.

Стоял день. Нависшее надо мной небо было затянуто сизым пологом бесконечных облаков. Через их толщу едва пробивались солнечные лучи. Где-то на горизонте алыми ро-

счерками полыхала зарница. Насколько видели глаза и позволял обзор смотровой щели, тянулись городские постройки. И ни одного дерева, ни единого зеленого пятна. Сплошь серые, черные и коричневые тона. Словно давно наступила зима, привнеся свои сумрачные краски и навсегда изгнав лето. Уже у самой земли я понял, что простиравшийся в зоне высадки пригород этого старого города был необитаем. Вокруг царили настоящая разруха и запустение, будто жившие здесь ранее люди давно ушли или умерли.

Спускаясь с небес, я видел каменные и деревянные дома в один-два этажа, хозяйственные постройки, конюшни, склады, лавки и много вспаханной, как после бомбежки, земли. Панорама напоминала заброшенное городишко времен царской России. Все покрывал слой пыли, всюду валялся мусор, лежали груды битого кирпича и гнилых досок. Многие крыши были проломлены. В сотне метров от того места, где я предположительно должен был шлепнуться, ввысь устремлялось ободранными куполами большое, некогда величественное строение. Белый камень, форма в виде ромба, обломки крестов на маковках. Ага, это, значит, и есть церковь Святого Петра. Ничего более подходящего на эту роль я поблизости не видел...

И тут время словно вернулось на свою привычную дистанцию, выдернув меня из вязкой патоки. Перед глазами пронесли смазанные очертания ландшафта, сдобренные воем холодного ветра, и мои стальные сапожищи гулко бухнулись

в бугристую землю, подняв облачко пыли. Трос в последний момент вдруг натянулся, а хитроумные системы самортизировали, спасая меня от, казалось, неминуемых переломов.

Едва это произошло, трос отстегнулся, и я невольно пробежал несколько шагов. Утробно дыша, остановился и, прогибаясь в пояснице, задрал голову вверх. Надо мной в, казалось, невообразимой дали, на фоне угрюмого неба завис огромный воздушный корабль, напоминающий дирижабль. Громадная сигара оболочки, а под ней своеобразной конфигурации гондола в виде пристегнутого к брюху сигары гигантского утюга. Вряд ли эта махина способна развивать большую скорость. Задача у нее иная, а именно – высадка десанта.

Рядом со мной стали раздаваться шлепки и приглушенные удары. Это приземлялись остальные Часовые. Радиус разброса был минимальным. Несмотря на ветер, тяжелые доспехи не давали отклониться от заданного курса. Да и страховочные тросовые системы работали как надо.

Вскорости все два десятка курсантов стояли рассыпанной толпой на земле, озираясь по сторонам и вслух выражая свои эмоции. Я, стиснув зубы, молчал. И так выгляжу полным дебилом в глазах остальных. Ветер продолжал завывать, набрасываясь на наши могучие металлические фигуры.

Я повернулся всем корпусом. Так и есть, до полуразрушенного здания церкви не более ста метров. Пока экзаменационное задание не выглядело таким уж невыполнимым.

Простоять тут, среди этого похожего на город-призрак квартала, всего лишь час? Я начал дышать свободней и веселей, с любопытством оглядываясь по сторонам. Даже захотелось снять шлем. Но было отчетливое понимание, что этого делать уж точно не стоит.

Слегка опустив взгляд, посмотрел на стиснутый в бронированном кулаке огромный меч. Его чудовищного веса я почти не замечал. Благодаря силе доспехов он оказался не тяжелее деревянной палки. Я критически осмотрел широкое черное лезвие. И тут какие-то непонятные руны... Впрочем, а что мне здесь вообще понятно? Я, следуя примеру некоторых курсантов, закинул меч на плечо и приноровился удерживать его за рукоять перчаткой. Неплохо. Все лучше, чем волочь эту оглоблю по земле.

– Постарайся далеко от нас не отходить, – прогудел подошедший ко мне Часовой.

В прорези шлема блеснули красноватые глаза. Герман. За ним возвышался молчаливой скалой Сойка. Оба курсанта также тащили свои клинки на плечах. Я благодарно поднял свободную руку и как можно беспечнее произнес:

– Кажется, тут когда-то была неслабая заварушка, да?

И тут же прикусил язык. Твою мать! Сам же обещал себе лишний раз не болтать! Сойка торопливо прогромыхал ко мне и стукнул рукой по наплечнику, раздавшимся скрежежом забивая мои слова. Я понял, для чего. Чтобы никто не услышал.

– Ты совсем сбрендил, Альрик! – надвинувшись на меня, он стукнул лбом шлема в мой. Раздался гул, как будто ударили в колокола. – Когда-то здесь жили тысячи людей. Город окружали десятки деревень, здесь кипела жизнь. И тебе ли не знать, что потом произошло и когда?!

Я пристыженно молчал, облизывая пересохшие губы. За меня вступился Герман.

– Оставь его, после возвращения поговорим. Мне кажется, с Альриком действительно что-то не то. Пока у нас есть задача, и ее нужно выполнять. Экзамен никто не отменял.

Глава 3

Наш разговор привлек еще одного Часового. Отделившись от сбивающихся в кучку курсантов, невысокий воин в золотисто-бронзовых доспехах прошагал к нам. Я прямо-таки всем нутром ощутил, как напряглись мои товарищи. Но, узнав подошедшего, они облегченно выдохнули. Значит, они его хорошо знали. А спустя секунду понял, что и я уже успел с ним, точнее с ней, познакомиться.

– У вас что, групповой сеанс психотерапии, как в лечебницах для юродивых? – бодрым женским голоском прогудела железная фигура.

Это была та самая девушка-курсант, что обещалась мне того... Хм, интересно, а насколько мы с ней близко знакомы?

– Если хочешь, будь с нами, Лада. – Сойка еще раз бросил на меня серьезный предупреждающий взгляд через смотровую щель шлема. Я со скрипом попытался кивнуть. Понял, не дурак. – Будем выдвигаться к церкви.

– Надеюсь, твое предложение остается в силе, – попробовал я пошутить, поравнявшись с ней. Лада всем своим законным в железо видом выразила удивление.

– Я тебя не узнаю, Альрик. Еще вчера ты был не таким говорливым. Даже когда заливался пивом.

Я в очередной раз прикусил язык. Если так и дальше пойдет, то изгрызу его под корень!

Нестройными рядами, переваливаясь, как медведи, мы двинули в сторону церкви. Я пораженно оглядывался вокруг, стараясь запоминать каждую мелочь. Это действительно был целый мир, и он не заканчивался трюмом воздушно-го корабля, где я очнулся. Он простирался во все стороны. Он жил ветхими развалинами, дышал застаревшими запахами гари, смеялся завыванием ветра. Он нависал над нами мрачным, то и дело озаряющимся вспышками далеких молний небом. А далеко вверху над нами завис огромный дирижабль – единственное, что могло забрать нас отсюда. Правда, я до сих пор не понимал, почему Фляйшер нас так пугал. И решил немножко прояснить ситуацию. Неуклюже топая за своими более сноровистыми спутниками, я спросил:

– Ну а когда до церкви доберемся, дальше-то что? Отсидемся внутри и домой?

– Чудной ты стал, Альрик Безродный, – усмехнулась в шлем Лада.

Даже в тяжелой броне она выглядела изящнее нас и умудрялась идти с недоступной мне грацией. Черный меч она, в отличие от остальных, несла на сгибе локтя. Я еще успел отметить, что наши мощные доспехи напоминают хитроумный конструктор, благодаря чему на стадии сборки подгоняются под определенную фигуру каждого курсанта. А так были абсолютно одинаковыми, обезличенными, как и мечи. Одно слово, учебное снаряжение.

– Тихо пока, – односложно сказал Герман. – Если бы мы

высадились ночью, ты бы не задавал такие вопросы – был бы однозначно занят другим.

– Чем?

– Спасал свою шкуру, – резко сказал Сойка, приостанавливаясь и подозрительно глядя на меня. – Когда вернемся, Альрик, я сам свожу тебя к корабельному медику.

На этот раз я все же предпочел промолчать, хотя это давалось мне порой довольно трудно. Тем временем мы подошли к церкви. Огромное сооружение возвышалось почти на тридцать метров. Когда-то его купола блестели золотом, сейчас щерились облезшими провалами и торчащими, как ершик, из дыр стропилами. Все окна были выбиты, стены из белого кирпича потемнели от грязи. Ведущие к арке входа мраморные ступени были выщерблены, как зубы пьяницы. На проржавевших петлях висела одна покосившаяся створка тяжелых дверей. Второй не было. Вокруг церкви была истоптанная черная земля, покрытая слоем сажи и пыли. Такие же следы закопченности я заметил и на стенах. Когда-то тут здорово помародерствовали, срывая золото с куполов и вынося все ценное изнутри, а потом обложили здание всем, что горело, и подожгли.

– Сколько мы уже тут, минут пятнадцать? – спросила Лада.

Внезапно я понял, что она напоминает мне Светку. Мое сердце сжалось от болезненного спазма. Накатила невыносимая тоска и слабость. Чувство безнадеги захлестнуло с такой

силой, что на глазах выступили слезы. Что я тут делаю, в теле всеми презираемого и обвиняемого во всех смертных грехах человека? Который не имеет права даже называться своим именем. И который виноват в чем-то перед всем миром. Или его предки, что для него ничего по факту не меняет. Домой... как же я хочу домой. Поневоле я едва ли не всхлипнул. Слава богу, что в гомоне столпившихся перед церковью курсантов этого не заметили.

Ладе никто не ответил. В воздухе сгустилось прямо-таки ощущаемое напряжение. Я весь подобрался в нехорошем предчувствии. Высоко в небе, над нашими грешными головами раздался противный, душераздирающий гул уже знакомой мне сирены. словно труба Судного дня, он обрушился на нас. Кто-то грубо матюгнулся, кто-то недоумевающе спросил:

– На кой ляд они это делают?

К нему повернулся Сойка и насмешливо пробасил из-под шлема:

– А ты не догадываешься, Боря? Чтобы нас быстрее обнаружили.

Гул голосов стих как по команде. Напряжение усилилось. Я невольно стиснул пальцы на рукояти меча. Экзамен начинается? Я задрал голову. Мне показалось, или после этого протяжного гудка, разнесшегося по всей округе, «Циклоп» поднялся выше, превращаясь в едва различимую на фоне серых мглистых туч игрушку?

– Интересно, что внутри? – выразил общие мысли безымянный курсант, всматриваясь в темнеющий провал входа в церковь. – Не лучше ли нам зайти внутрь? Будет проще держать оборону.

– Палка о двух концах, – хмыкнул Герман. – Не задумался, почему нас выбросили именно здесь? Возможно, в церкви нас уже ждут.

Я хотел смолчать, честно, но промелькнувшая в мозгу мысль словно ошпарила кипятком. Я даже с лязганьем брони поднял руку. Как на уроке, блин. На меня некоторые начали смотреть с откровенным сочувствием в блестящих в смотровых прорезях шлемов глазах.

– Я не думаю, что внутри засада, – прохрипел я.

Откуда взялась такая уверенность, сам не знаю. Начала подавать признаки жизни генетическая память Альрика? Или же я сам стал Альриком благодаря... Чему? И как?.. Блин. Я зажмурился и постарался выбросить из головы все лишнее. Потом, все обмозгую потом. Если это потом наступит. Сейчас много думать опасно.

– Тогда бы корабль не подал сигнал. Они приманивают кого-то издалека.

– О, наконец-то у тебя котелок заварил. – Лада одобрительно толкнула меня широченным бронированным плечиком. Раздался лязг, словно сцепились два танка. Я пожалел, что она не увидела моей улыбки.

Мои слова восприняли на полном серьезе. Все без исклю-

чения мечи были приготовлены к бою. Курсанты заученно занимали круговую оборону на подступах к ступеням. Я, стараясь не отставать и копируя каждое движение товарищей, примостился с краю. Рядом со мной застыл Сойка, что придало мне чувство небольшого, но спокойствия.

Внутри церкви, однако, никто не торопился. Но и ожидать удара в спину мы не опасались. Мы напряженно смотрели перед собой, слушая завывания ветра и боясь пропустить момент неминуемой атаки. А в том, что это сейчас произойдет, даже я уже не сомневался. Холодный воздух, казалось, наэлектризовался. Что-то грядет.

Я потел, как свинья, мне стало жарко. Внутренности свело в неприятных спазмах. Я вообще-то не из пугливых и всегда мог за себя постоять, но сейчас боялся просто до чертиков. И если бы не присутствие Сойки и маячившие неподалеку фигуры Германа и Лады, то давно бы впал в панику. Страх пронзал все естество, но обострял чувства. Наверно, я первый услышал эти звуки...

Саранча. Звуки напоминали трение тысяч зазубренных лапок гигантских кузнечиков. Они с каждой секундой все крепили и приближались. Вокруг церкви была, как я уже упоминал, изможденная, больная земля. На расстоянии в сотню шагов начинались первые развалины. Слева высился земляной вал с одиноко торчащим покосившимся каменным столбом. И именно из-за этой странной насыпи, так похожей на древний курган, приближались эти пугающие до мокрых

трусов звуки.

– Гончие! – внезапно как оголтелый заорал кто-то из середины нашего полукруга. Видимо, у этого парня слух был немногим хуже моего. А еще он намного лучше разбирался в происходящей здесь дьявольщине, чем я, раз смог по одним только неясным звукам идентифицировать грозящую нам опасность. – Ведьмины гончие!

Сойка ругнулся, поворачивая ко мне корпус. Острие его меча смотрело в нависающее над нами погребальным саваном небо.

– Надеюсь, как драться ты хоть помнишь?

Помню? Да я и понятия не имел, как фехтовать. Владеть мечом – это не кулаками махать! Вот столкнуться мне с обычным противником один на один... Занятия боксом в нашей спортивной секции при универе я регулярно посещал. Я отсалютовал Сойке своим клинком. Кажется, он не очень мне поверил. А потом стало не до разговоров.

На верхушке кургана появились первые гости. Мои глаза вылезли из орбит. В очередной раз я порадовался, что глухой шлем скрывает лицо...

Они выскакивали на холм и, рыча, сбивались в стаю, поджидая отстающих, отнюдь не спеша нас атаковать. Это были отвратительные на вид твари. Более всего они напоминали безволосых гладкошерстных гончих, поджарых и мускулистых, грязно-серого цвета, с вытянутыми крокодильими мордами и даже отсюда видными алыми глазками. Лапа-

ми им служили суставчатые, вывернутые в обратную сторону конечности насекомых. Вот откуда эти звуки.

Во время бега иззубренные суставы терлись друг о дружку, напоминая стрекотание саранчи. Из приоткрытых клыкастых пастей валил пар и капала вязкая слюна. Очень злобными и умными глазками они смотрели на нас. И их становилось все больше. Вскоре весь холм покрылся кишашим морем этих жутких собак-мутантов. И я еще забыл добавить – размером каждая из этих тварей была с телят.

В следующий миг они шустрой лавиной пустились с холма в нашу сторону. Твари мчались, нелепо подпрыгивая, издавая горловое рычание и стрекот миллиона кузнечиков. Я в панике пытался прикинуть их количество. Не меньше сотни, это уж точно!

– Сплотить ряды и держать строй! – громко выкрикивал сместившийся в центр Герман. – Клинки к бою! Никому не бежать, и упаси вас Господь упасть!

Я вспотевшими руками поднял меч. Приводы механических доспехов жужжали, выполняя свою работу, но мне меч показался внезапно тяжелее наковальни.

Рядом со мной шумно засопел Сойка, ясным звонким голоском ругалась Лада. А затем... Затем стая адских тварей сшиблась с бронированной стеной Часовых. И вгрызлась в них. В нас. И я не поверил своим глазам, когда зазубренные, словно пилы, передние конечности ведьминых гончих с обескураживающей легкостью рвали золотисто-бронзовые

доспехи Часовых. С лету пробивали наплечники, сминали казавшиеся монолитными шлемы, разрывали сочленения и шарниры. Сыпались искры, шипели приводные механизмы, лилась первая кровь... Вой изголодавшихся по человеческому мясу тварей и ругань курсантов слились в ужасающую какофонию жестокого побоища.

Гончие собрали стаю в клиновидный треугольник. Им и ударили прямо в центр шеренги. Остальные, напирая, с хрипом и рычанием запрыгивали на тех, кто стоял по сторонам. Таким образом это зубастое кровожадное море навалилось на нас, будто стремясь утопить. Сбить с ног, сожрать.

Я стоял последним с левого фланга, до меня еще не докатилась волна мерзких созданий. Я бросил мимолетный взгляд на холм, и мое сердце упало ниже подошв стальных сапог. Верхушку кургана заплоняли новые и новые чудовища, заливая истерзанную мертвую землю, на которой не было и намека на самую жалкую травинку, кипящей слюной.

Курсанты держались. Взлетали и падали тяжелые мечи, перерубая гончим хребты и отсекая конечности. Против огромных клинков у тварей не было никакой защиты. Из жутких ран гончих, как под давлением, хлестала вонючая черная кровь, орошая доспехи Часовых. Но волна нападающих все прибывала и множилась.

Я увидел, как упал первый курсант. Он каким-то образом лишился шлема, и сразу две твари схватили его мощными челюстями за голову, срывая мясо с лица. Он орал от

нестерпимой боли и силится подняться, но был погребен под грязно-серыми телами все прибывающих исчадий ада. Я отвернулся с подкатившим под горло комком тошноты. И стал свидетелем, как огромная тварь передней лапой-пилой рубанула по руке курсанта, в которой он держал меч. В веере алых брызг отрубленная кисть, все еще сжимающая рукоять меча, взлетела в воздух. Искалеченный Часовой с воплем рухнул на колени, пытаясь зажать бьющий из культи фонтан крови. На него тут же набросилось несколько гончих, и он упал под их весом. Твари радостно урчали, разрывая его доспехи клыками и лапами-пилами.

Не знаю, когда я ел и пил, но, судя по всему, давно, тем не менее меня несколько раз стошнило. Я забрызгал изнанку шлема едкой вонючей желчью и зашелся в кашле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.